

ДЕЛО ТРЁХ КНЯЗЕЙ

750 лет назад Александр Невский начал военную реформу на Руси

В 1252 году после бегства из Владимира князя Андрея и смерти смещенного еще в 1248 году с великокняжеского стола Святослава Всеволодовича великим владимирским князем становится новгородский князь Александр Ярославич, заручившись поддержкой Бату-хана. В Новгороде на княжение садится его сын Василий...

Историки не выделяют 1252 год как некий особенный в судьбе России. Между тем его по праву можно назвать годом великого перелома. Вокняжение Александра Невского во Владимире с сохранением титулов великого князя киевского и князя московского указывает на то, что Золотая Орда окончательно определила вектор своей политики — содействовать созданию единой Руси — и выбрала того из русских князей, кто будет проводить эту линию.

Напрашивается дополнение: чтобы вместе с русскими противостоять католической экспансии. Но вряд ли лояльность монголов к православию стоит принимать за желание укрепить нашу веру. Религиозную терпимость завещал монголам Чингис-хан в своде законов, который принято называть Великой ясой. В сохранившемся фрагменте читаем: **Чингис-хан приказал уважать все религии и не высказывать предпочтения какой-либо из них.** Уважение, которое монголы оказывали православию, зиждилось на том, что православие было объединительной религией на Руси. Католичество играло такую же роль в Западной Европе. Однако агрессивная политика, проводимая папской курией на Востоке, определяла не только религиозное, но и государственное соперничество с Русью. Принимая сторону русских, монголы фактически выступали в защиту православия.

СМУТНЫЕ ГОДЫ

Пожалуй, Запад упустил момент, когда произошло объединение русских и монгольских сил. Намечавшаяся схватка за владимирский стол показалась нашим противникам начавшейся и послужила сигналом к вторжению европейцев на те русские территории, которые уже 10 лет не знали сражений. А именно — в Новгородскую землю, которая, по мнению завоевателей, без князя (Александр Ярославич ушел во Владимир) и без помощи владимирцев, которые были якобы заняты междоусобицей, становилась легкой добычей.

Уже в 1253 году литовцы во главе с князем Миндовгом, принявшем католичество (1250), напали на волость Новгородскую и захватили пленников, но догнали их новгородцы с князем Василием у Торопца. И отомстили за кровь христианскую, и победили их, а пленников отняли и пришли в Новгород целые. В том же году пришли немцы к Пскову и пожгли посад, но многих из них псковичи побили. И пошел новгородский полк на них из Новгорода, и они бежали прочь. После этого новгородцы не успокоились и совершили короткую вылазку на Нарву, превратив волость эту в пустыню.

14 мая 1253 года папа Иннокентий IV обратился с призывом к рыцарям начать крестовый поход против монголов (татар), дабы вы, рыцари Христа, который возглавит ваше войско, вы, осененные славным крестом, с той доблестью, с какой Христос победил воздушные силы, чудом остановили бы натиск сих татар. На страстный призыв князь не откликнулся по той

причине, что никакого «натиска» не было: монголы в это время огромными силами воевали в Китае и Средней Азии (Самарканд).

Однако определенный результат был: Миндовг подписал договор с Ливонским орденом (1253), чтобы посредством совещания с братьями ордена Тевтонского в Ливонии привести народы к свету веры Иисуса Христа и для их возрождения. Фактически стороны условились о совместных действиях против Новгорода.

Кроме того, хотя до междоусобицы благодаря вмешательству монголов дело на Руси не дошло, ситуация все равно обострялась. Русским князям не нравилось стремительное возвышение бывшего новгородского князя Александра. Его брат Ярослав, видя оживление тевтонцев, неожиданно объявляется в Пскове и занимает княжеский стол (1253). А Даниил Галицкий, надеясь на помощь папы римского в борьбе как против монголов, так и против Александра Невского, как киевского князя, принимает-таки титул короля (1254).

Это была, так сказать, диспозиция. В 1255 году, сообщает Новгородская летопись, **вывели новгородцы из Пскова Ярослава Ярославича и посадили его на стол, а Василия выгнали вон.** Узнав об этом, Александр, отец Василия, пошел войной на Новгород. Ярослав явно не ожидал такого развития событий и из города бежал. И, наверное, не зря. Дальнейшие события показали, что он был всего лишь пешкой в игре новгородских богачей. Конкретно — той их части, кто был заинтересован в сохранении добрых связей с Западом.

На Новгород (и далее — на Русь) надвигались смутные времена. Новгородцы целовали святую Богородицу, обещая, что **встанут все не на живот, а на смерть за правду новгородскую, за свою вотчину.** Однако князю Александру удалось склонить чашу весов в свою сторону. Его поход закончился мирно: стояли все полки за свою правду три дня, а на четвертый день прислал князь такое слово: **«Если Онаний лишится посадничества, я гнев смирю».** И лишили Онанья посадничества, взяв мир по новгородской воле. Здесь не так уж важно, кто такой был посадник Онаний (возможно, он был лидером оппозиции, способствовавшей изгнанию князя Василия). Существенно, что Новгород не был един ни против тевтонцев, ни против монголов, ни сам за себя.

Разногласия и противоречия не остались не замеченными противником. В 1256 году пришли шведы, ямь, сумь и Дидман со своею волостью многочисленной и начали строить крепость на Нарове. Все возвращалось к началу 40-х: шведы, тевтонцы, литовцы, свои смуты — Ярослав (не Владимирович, как тогда, а Ярославич)...

Александр Невский, узнав о событиях на Нарове (стратегически важная река, соединяющая Чудское озеро с Финским заливом), тут же собрал войско и двинулся на север, к которому шведы приглядывались как к воротам на Русь еще с 1240 года. Поход был

трудным. Александр даже не сказал, куда ведет войско: **новгородцы не ведали, куда князь идет. Некоторые говорили, что на чужь идет. Дошли до Копорья и пошел князь на ямь... а многие новгородцы пошли вступить от Копорья.** Тем не менее операция закончилась успехом. Новгородцы, **придя на землю ямскую, одних убили, других пленили и возвратились с князем Александром все живые.** После этого Александр ушел во Владимир, вернувшись на новгородский стол князя Василия.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

Однако поход имел и негативные итоги. Большие 10 лет Русь не вела сколько-нибудь значительных боевых действий. Их возобновление показало, что армия, нерегулярная и непрофессиональная (фактически — ополчение), не готова к выполнению серьезных задач.

Александр Невский, подолгу гостивший в Орде, конечно, видел, насколько превосходят нас монголы в организации войска. Великая яса так определяет статус воина: **Бойцами рекрутируются мужчины от двадцати лет и старше. Для каждого десятка должен назначаться офицер, и для каждой сотни, и офицер для каждой тысячи, и офицер для каждой десяти тысяч... Ни один воин из тысячи, сотни или десятка, в которые он был зачислен, не должен уезжать в другое место; если он сделает это, то будет убит, и так же будет с офицером, который принял его.** Ничего похожего нет в описаниях армии русскими летописями!

Вероятно, военный вопрос, вновь ставший актуальным в 1252—1253 годах, занимал князя Александра Невского. Суздальская летопись скупой, но дает намеки на это. В 1256 году проводится некое собрание русских князей в Городец. После него ростовский князь Борис Васильевич отправляется в Орду, а Александр посылает туда дары. По всей видимости, Борис вел в Орде предварительные переговоры. О чем? Летопись молчит. Но в 1257 году поехали к татарам князи Александр, Андрей и Борис, почтив Улагчи. Только ли за этим?

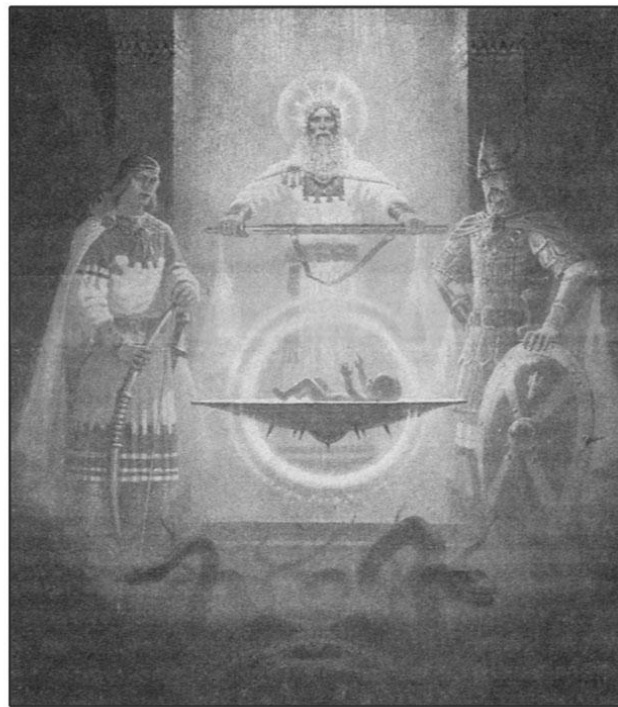
Конечно, нет. Летопись раскрывает следствие собрания этих князей в Городце и двух поездов в Золотую Орду: **в ту же зиму приехали численники** (переписчики. — Г.Р.) **считать всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую и ставили десятников, сотников, тысяцких и темников и вернулись в Орду. Только не считали игуменов, чернецов, попов, крилошан, кто зрит на святую Богородицу и Владыку.** Оговорка об исключении из переписи духовенства явно указывает на ее милитаристский характер. Характер переписи 100-процентно соответствует схеме организации монгольского войска!

Правда, в российской историографии факт проведения переписи прочно увязывается с обложением Руси данью, причем униженной, подушной. Вывод однозначно поверхностный!

Внимательно читаем Новгородскую летопись: **В лето 6765 (1257) пришла злая весть из Руси, что хотят татары ввести тамги и десятины в Новгороде. И волновались люди все лето... Той же зимой приехали послы татарские с Александром, а Василий сбежал в Псков. И стали просить послы десятины, тамги, но не согласились новгородцы на это, дали дары царские и отпустили их с миром.** Понятен страх и возмущение горожан слухами о введении каких-то новых поборов. Волнениями в городе можно объяснить и бегство князя Василия. Непонятно только, почему о тамге и десятине нет ни слова в Суздальской летописи? Может быть, суздальский летописец воспринял сообщение о десятинах как само собой разумеющееся и потому не упомянул о нем?

ГАНЗЕЙСКИЙ УЗЕЛ

Как известно, новгородцы (вместе с Псковом и Смоленском) состояли в Ганзейском союзе, что определяло активный и широкий товарообмен с Европой. Николай Ионичев в фундаментальной работе «Внешние экономические связи России (IX — начало XX века)» указывает: **«ввоз в Новгород из-за границы состоял из предметов ремесленного производства, таких, как тонкое сукно, полотно, шелк, оружие; импортировались металлы — железо, медь, олово, свинец, золото и серебро и изделия из них, продовольствие — хлеб, сельдь,**

«Рождение воина». Художник Борис Ольшанский.

вино, пиво... Товары из Европы поступали не только для Новгорода, но и для Ростово-Суздальского, Владимиро-Суздальского, Тверского, Рязанского и Московского княжеств. Новгород являлся крупным внешнеторговым центром, монополично снабжавшим русские земли...».

При этом полноценным партнером ганзейцев Новгород не являлся. Мы с гордостью говорим о том, что уже в начале XIII века в Новгороде был открыт Ганзейский купеческий двор (состоявший из двух факторий — готской и немецкой), во главе которого стоял старшина (ольдерман); что для заморских купцов строили храмы, им давали гарантии безопасности, торговые льготы (беспошлинный провоз товаров) и т.д. Ионичев уточняет: **«Решающими инстанциями в разрешении возникающих споров (с новгородцами. — Г.Р.) являлись купеческие организации немецких городов — Данцига, Висби, Любека. В целях монополизации торговли в руках Ганзейского союза издавались особые поста-**

новления, обязательные для всех его членов. В частности, запрещалось вступать с новгородцами в торговые компании, перевозить их товары, принимать на комиссию товары купцов из других стран — англичан, бельгийцев, французов, итальянцев. В свою очередь новгородские власти не имели права вмешиваться во внутренние дела немецкой купеческой общины».

Ничего подобного не имели новгородские купеческие союзы за границей. Товары свои новгородцы вопреки распространенному мнению в Европу не возили, а обязаны были оптом продавать иностранным посредникам. Никаких дворов или факторий ни в Любеке, ни в Данциге, ни где-либо еще не имели. Более того — в городе не было собственных денег! То есть пресловутые гривны и рубли (весовые слитки) были, а денежной системы, которая позволяла бы объективно оценивать прибыльность или убыточность торговых операций, не было!

Да, Новгород богател, используя свое положение монополиста. Могла ли такая зависимость от новгородцев нравиться владимирскому князю? Никогда! Собственно и конфликты между Владимиром и Новгородом со времен князя Всеволода Большое Гнездо основывались на экономическом факторе. После того, как Византия разорвана крестоносцами, а Центральная Европа разорена монголами, балтийский торговый путь обрел чрезвычайно важное значение для северо-восточной Руси.

Вот почему в Новгороде появились монгольские послы и князь Александр с предложением ввести в оборот тамги (монеты, отмеченные знаками князя или рода) — собственные новгородские деньги, которые могли бы обмениваться с иностранными по определенному курсу. Фактически речь шла о создании прозрачной таможенной системы. Десятина нужна была, чтобы Новгород признал себя составной частью владимирской Руси и платил налоги, получая помощь, в которой нуждался. Военную помощь!

Азиаты предлагали новгородцам цивилизованное сосуществование с соседями. Новгородцы предпочли откупиться царскими дарами. Такой итог явно не устроил князя Александра, который в дружине сына, не обеспечившей порядок проведения мероприятия, одним отрезал носы, другим выколол глаза, а самого Василия выгнал из Пскова и отправил в Низ — во владимирское княжество. Гнев князя понятен: Александр был инициатором проведения этой реформы (введение денег, налогов, переписи). Недалековидность новгородских олигархов его планы срывала.

А что же монголы? Ничего! Приняли дары и уехали в Орду. Убийственным для сторонников теории монголо-татарского ига на Руси является тот факт, что отказ Новгорода от тамги и десятины не имел решительно никаких последствий. Монголы были разработчиками системы налогообложения и переписи, но им самим она была не нужна. И перепись русского населения монголам тоже ничего не давала.

В сборе налогов были заинтересованы русские княжества. И совсем скоро новгородцы убедились в этом...

Геннадий РЯВКИН.